

Священник *ЛЕОНИД ГРИЛИХЕС*

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ПРИТЧИ И ВНЕБИБЛЕЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ДАННЫЕ*

Я хотел бы сразу предупредить, что данный текст — не итог определенного исследования, но краткое сообщение о некоторых проблемах, которые встали передо мной в ходе моей работы над семитскими реконструкциями Евангелий.

Но насколько правомочны такие реконструкции? Во-первых, хорошо известно, что древнейшее (а именно, восходящее к началу II века) церковное предание устами Папия Иерапольского утверждает, что Матфей составил свои изречения по-еврейски. Вопреки этому многие ученые (и в первую очередь ученые из Германии) полагают, что Евангелия изначально были написаны по-гречески. Другие допускают, что Евангелисты могли использовать при составлении своих книг семитоязычные источники, как устные, так и письменные. Наконец, высказывалось также мнение, что определенные Евангелия имели арамейский или еврейский оригинал. Лично я склоняюсь к тому, что Евангелие от Матфея изначально было составлено на иврите и лишь затем переведено на греческий. Такой процесс не представляется чем-то совершенно невероятным, но напротив, имеет прямые аналогии в ближневосточной литературе того времени. Например, для дошедшего до нас по-гречески “Завещания двенадцати патриархов” известны фрагменты еврейского оригинала из Кумрана. То же касается и целого ряда других апокрифов.

Но если все же вопрос о семитской реконструкции евангельских текстов требует специальных исследований, разработок и доказательств, и возможно не только спорить, но и оспаривать семитский оригинал того или иного Евангелия, то, с другой стороны, вряд ли кто-либо будет сомневаться в том, что Господь, проповедуя перед “многими толпами” по еврейским “городам и весям” говорил на понятном для масс языке, то есть по-семитски. В этом смысле попытка расслышать, как звучала та или иная притча в устах Христа, не может встречать возражений и, более того, выглядит вполне оправданной.

Здесь, впрочем, тотчас встает один ключевой, но весьма не простой вопрос: на каком из семитских языков говорил Господь — на иврите? или по-арамейски? И если по-арамейски, то

*Доклад на Кирилло-Мефодиевских чтениях (Томск, 2002 год).
© Л. Е. Грилихес, 2002

на каком диалекте — галилейском, иудео-палестинском, арамейском языке рукописей из Кумрана и т. д.

Я позволю себе отвлечься и рассказать, а, вернее, пересказать одну историю, которую я услышал от одного из моих университетских студентов. Эта история касается известного историка Церкви, знатока ряда древних языков, профессора Санкт-Петербургской Духовной академии В. В. Болотова. Здесь я, правда, очень сильно рискую, потому что нет никаких гарантий, что это действительно реальная история. Я не исключаю, что это всего лишь академический анекдот. И все же возьму на себя смелость пересказать ее вам.

У смертного одра Болотова собрались его ученики и, желая утешить и ободрить своего еще не старого учителя, говорили примерно следующее: Василий Васильевич, вам так много предстоит сделать, еще так много не исследованных тем... На что Болотов отвечал: вы знаете, меня уже ничто не интересует, я единственно надеюсь, что когда я перейду в мир иной, я доподлинно узнаю, на каком диалекте арамейского языка говорил Господь.

Вот такая непростая задача... Но даже если вся эта история есть чистой воды вымысел, то справедливым остается то, что во времена В. В. Болотова арамейский признавался, по сути, единственным разговорным языком Палестины евангельского времени.

Последние исследования показали, что иврит (наряду с арамейским) сохранялся в качестве разговорного языка если не по всей Палестине, то по крайней мере в Иудее еще во II веке по Р. Х. (Здесь можно сослаться на таких разных ученых, как Фицмаир, Карминьяк, Сегаль.) На это указывают также и некоторые внутренние свидетельства (то есть свидетельства, почерпнутые из самих Евангелий). Например:

Мф 3:9

δύναται ὁ Θεὸς ἐκ τῶν λίθων τούτων может Бог из камней этих
ἐγεῖραι τέκνα τῆ Ἀβραάμ воздвигнуть сыновей Аврааму¹.

Эта обличительная притча Иоанна Крестителя построена на игре ивритских слов אבנים 'ābānīm 'камни' и בנים bānīm 'сыновья', которые различаются лишь наличием/отсутствием начального א. Здесь фонетическое превращение אבנים 'ābānīm → בנים bānīm служит своего рода звуковой фигурой, иллюстрирующей или подчеркивающей смысловую сторону выражения: подобно тому, как из слова אבנים 'камни' легко получается слово

¹Синодальный перевод . Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму — Здесь и далее примечания редакции

менили критерий библейской фразеологии, который заставил нас предпочесть ивритское слово פֶּתַח и оказаться от פֶּתַח.

Критерий библейской фразеологии представляется тем более оправданным, что Господь в Своих поучениях постоянно обращается к Священному Писанию. Это обращение не ограничивается многочисленными цитатами, но может носить более сложный и динамичный характер, например, в притче о злых виноградарях (Мф 21:33–39) в достаточно свободной форме развиваются образы книги Исаии (Ис 5:1–7), а притча о горчичном зерне (Мф 13:31–32) перекликается с пророчеством Иезекииля (Иез 17:22–23). Немало примеров, где отношение евангельских выражений к Писанию носит характер менее значительных коннотаций, аллюзий, или смысловых ассоциаций, которые безусловно опознавались слушателями, составляя, как говорят лингвисты, “фоновое знание”.

Приведу пример: *Царствие Небесное подобно закваске, которую жена взяла и спрятала в трех мерах (сатах) муки, доколе не вскисло все* (Мф 13:33)¹. Я уверен, что мало кто из наших современников улавливает связь между этой притчей и Ветхим Заветом. Но навряд ли такая связь ускользнула бы от аудитории слушателей Спасителя, которые знали Писание наизусть или по крайней мере очень близко к тексту. В Быт 18:6 Авраам спешит к Сарре и говорит: *замеси три меры (саты) муки*²... Эта аллюзия на ветхозаветный рассказ придает жене из притчи более конкретные черты — возникает ассоциация с Саррой, которая на фонетическом уровне очень искусно откликается игрой слов: פֶּתַח פֶּתַח ‘закваска’ פֶּתַח ~ sāgā ‘Сарра’.

Отношения Евангелий к текстам Ветхого Завета достаточно хорошо изучены, но здесь с необходимостью встает новая и гораздо менее разработанная проблема. Очевидно, что еврейская литература конца Второго храма, формирующая “фоновое знание”, не ограничивалась только Священным Писанием. Существовали хорошо известные и весьма популярные апокрифы. Кроме этого необходимо учитывать фольклор, внебиблейскую идиоматику, устное предание, известные изречения различных авторитетов, афоризмы и т. п. Правомочен вопрос: в какой мере и каким образом мог использовать Господь весь этот внебиблейский языковой материал при создании образного строя Своих поучений и притч? Этот вопрос приобретет дополнительное значение, если мы примем во внимание, что обычно

¹Синодальный перевод: Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все.

²Синодальный перевод: И поспешил Авраам в шатер к Сарре и сказал [ей] поскорее замеси три саты лучшей муки...

евангельские притчи вводят нас в самую гущу повседневной жизни.

Ряд примеров обнаруживает разительные совпадения.

Мф 6:34

ἀρκετὸν τῇ ἡμέρᾳ ἢ κακία αὐτῆς

Довольно для каждого дня своей заботы.

Мф 7:5

ὕποκριτά, ἔκβαλε πρῶτον ἐκ τοῦ ὀφθαλμοῦ σοῦ τὴν δοκόν, καὶ τότε διαβλέψεις ἐκβαλεῖν τὸ κάρφος ἐκ τοῦ ὀφθαλμοῦ τοῦ ἀδελφοῦ σοῦ

Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.

Мк 2:27

τὸ σάββατον διὰ τὸν ἄνθρωπον ἐγένετο καὶ οὐχ ὁ ἄνθρωπος διὰ τὸ σάββατον

Суббота для человека, а не человек для субботы.

Брахот 96¹

דיה לצרה בשעתה

Довольно для каждого часа своей заботы.

Бава Батра 156

אומר לו טול קיסם מבין עיניך [שיניך] אומר לו טול קורה מבין עיניך

Говорит ему: вынь щепку из глаз (вар. зубов) твоих. А он ему говорит: вынь бревно из глаз твоих.

Йома 85б

היא מסורה בידכם ולא אתם מסורים בידה

Она (суббота) отдана вам, а не вы ей.

Для сторонников исторического развития христианства подобного рода примеры служат поводом к отрицанию уникальности евангельского учения. Отождествляя образную и идейную сторону выражения, они не замечают, что очень часто Господь использует арсенал “фонového знания”, включающий хрестоматийные сравнения, идиомы, словесные штампы и т. д. на правах своего рода “макролексем”, вкладывая в них новое, отвечающее духу Его проповеди звучание.

В талмудическом трактате *Бикурим* передается рассказ о споре рабби Йошуа бен Ханания с афинскими мудрецами. Весь этот рассказ (агада) имеет ярко выраженный фольклорный характер. Афинские мудрецы, например, разбивают перед Йошуа кувшин и говорят — сшей, на что Йошуа рассыпает перед ними горсть песка и говорит — спрядите нитки; афинские мудрецы просят — построй воздушный замок, рабби Йошуа говорит — принесите кирпичи. Среди прочего афинские мудрецы спрашивают Йошуа: соль, которая потеряла силу, чем осолят ее?

¹Здесь и далее приводятся цитаты из различных еврейских трактатов.

Здесь в принципе можно было бы остановиться, но, чтобы не испытывать вашего любопытства, окончим этот рассказ. Ответ, который предлагает рабби Йошуа — *последом (плацентой) мулицы*. Смысл в том, что мулица, полученная от скрещивания кобылы и осла, сама потомство не производит. А разве есть — спрашивают мудрецы — у мулицы послед? А разве соль — отвечает рабби Йошуа — теряет силу?

Мф 5:13

ὁμεῖς ἐστε τὸ ἅλας τῆς γῆς· ἐὰν δὲ τὸ ἅλας μωρανθῆ, ἐν τίνι ἀλισθήσεται; εἰς οὐδὲν ἰσχύει ἔτι εἰ μὴ βληθὲν ἔξω καταπατεῖσθαι ὑπὸ τῶν ἀνθρώπων

Вы соль земли. Если соль потеряет силу, то чем осолит ее?¹ Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще людям.

Бикурим 8

מִלַּחַח כִּי סָרִיא בְּמַאי מְלַחֵי לָהּ
אָמַר לָהּ בְּסִלְחָא דְכוּדְנִיחָא
וּמִי אֵיכָא סִלְחָא לְכוּדְנָחָא
וּמִלַּחַח מִי סָרִי

Соль, которая потеряла силу, чем осолит ее? Говорит им — последом мулицы. Разве есть у мулицы послед? А разве соль теряет силу?

Очевидно, что одна и та же фраза *если соль потеряет силу, то чем осолится* служит совершенно различным целям, превращаясь из остроумной народной загадки аггады, из своего рода прибаутки в утверждение высочайшей миссии и ответственности, которую Господь возлагает на Своих учеников.

Однако наиболее интересными представляются такие примеры, где Господь, подразумевая хорошо известные Его слушателям выражения, не просто перестраивает или наполняет их иным содержанием, но самым неожиданным и самым парадоксальным образом переворачивает их, раскрывая при этом новые отношения, выходящие за рамки привычной человеческой мудрости. Вспомним — Господь учил *не как книжники и фарисеи* (Мф 7:29) и *никогда человек не говорил так, как Этот Человек* (Ин 7:46).

Постараюсь продемонстрировать эту мысль на трех следующих примерах.

Мы уже бегло упоминали апокрифическое “Завещание двенадцати патриархов”, фрагменты оригинального ивритского (Завещание Неффалима) и арамейского (Завещание Левия) текста которого обнаружены среди рукописей из Кумрана. Не вызывает сомнения, что этот великолепный в литературном плане псевдоэпиграф (переведенный между прочим не только на греческий, но также на сирийский, латинский, эфиопский, армян-

¹Синодальный перевод: Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?

ский, славянский языки) был известен современникам Иисуса, чем объясняется целый ряд лексических совпадений между ним и новозаветной литературой. Вот один наиболее выразительный тому пример:

Завещание Иосифа (11,1, 5–6)

ἐν λιμῷ συνεσχέθην, καὶ αὐτὸς ὁ Κύριος διέθρεψέ με. μόνος ἦμην, καὶ ὁ Θεὸς παρεκάλεσέ με. ἐν ἀσθενείᾳ ἦμην, καὶ ὁ ὕψιστος ἐπεσκέψατό με. ἐν φυλακῇ ἦμην, καὶ ὁ σωτὴρ ἐχαρίτωσέ με.

Голод мучил меня, но Сам Господь накормил меня. Одинок я был, и Бог утешил меня; я болен был, и Всевышний посетил меня; и в темнице был я, и Спаситель смиловался надо мною.

Мф 25:35–36

ἐπείνασα γὰρ καὶ ἐδώκατε μοι φαγεῖν, ἐδίψησα καὶ ἐπότισατε με, ξένος ἦμην καὶ συνηγάγετε με, γυμνὸς καὶ περιεβάλετε με, ἠσθένησα καὶ ἐπεσκέψασθε με, ἐν φυλακῇ ἦμην καὶ ἦλθατε πρὸς με.

Ибо голоден был Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и напоили Меня; странником был, и приняли Меня; наг, и одели меня; болен был, и посетили Меня; в тюрьме был, и пришли ко Мне¹.

На этот пример уже не раз указывали как на свидетельство литературной зависимости и “тесной связи, которая существовала между иудейской дохристианской апокрифической литературой и новозаветной литературой” (Амусин И. Д. Кумранская община. М., 1983). Но пойдем дальше простой фиксации очевидных словесных совпадений. Слова Иосифа, такие трогательные и полные благодарности своему Господу, располагаются между тем во вполне понятной и “естественной” плоскости: праведник испытывает скорбь, и Господь не оставляет его, но поддерживает и помогает ему. С другой стороны, реакция на слова Евангелия — изумление. При внешнем сходстве выражений обнаруживается разительный контраст: оказывается, не Бог, а напротив, человек питает, поит, одевает, посещает... своего Господа. Но разве возможно человеку опекать Бога: *Господи, когда мы видели Тебя голодным и накормили? или жаждущим и напоили?..*² — недоумевают не только евангельские грешники, но и праведники — *Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне.*

Так из простой, одноголосой, “ветхой” темы возникает неожиданная и парадоксальная по форме полифония “нового” евангельского наставления, причем наставления настолько важ-

¹Синодальный перевод: Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне.

²Синодальный перевод: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили?

ного, что от ответа на него в конечном счете зависит путь в муку или в жизнь вечную (Мф 25:46).

Второй пример мы заимствуем из трактата Пиркей Авот, *главы (поучения) отцов*. Этот трактат представляет для нас особый интерес, поскольку в нем содержатся краткие изречения, характеризующие мировоззрение древнейших раввинистических авторитетов, начиная с Симеона Праведного (III век до Р. Х.) и до начала составления Мишны (начало III века по Р. Х.). В первых четырех главах содержатся авторские наставления, принадлежащие 60 учителям. До своей письменной фиксации они обсуждались и передавались устно (то есть составляли часть устного предания) и в этом смысле представляют богатейший материал, раскрывающий идейную атмосферу иудаизма рубежа эр. Большинство изречений, вошедших в состав следующей, пятой главы — анонимны. Некоторые из них могут рассматриваться как своего рода школьный фольклор или подборка известных афоризмов, рожденных в стенах *бейт мидраша*, но это одновременно и житейские прописные истины и аксиомы, в которых выговариваются атомарные интуиции раввинистической этико-дидактической мудрости.

Среди прочих здесь встречается и такое поучение (5:10). Все люди делятся на четыре типа. Первые говорят: мое мое, твое твое — это *средний тип*; вторые говорят: мое твое, твое твое — это *праведник*; другие говорят: мое мое и твое мое — это *грешник, злодей*; наконец, четвертые говорят: мое твое, твое мое — это по определению трактата Пиркей Авот — *народ земли*.

Выражение “народ земли”, *ом ха-арец* первоначально употреблялось фарисеями для обозначения тех, кто не принадлежал к их партии, но со временем приняло нарицательное значение — неуч, невежда, глупец, не обученный Торе, не сведущий в законе. В связи с этим можно вспомнить Ин 17:10; здесь Господь, обращаясь к Своему Отцу, говорит буквально следующее:

Ин 17:10

τὰ ἐμὰ πάντα σὰ ἔστιν καὶ τὰ σὰ ἐμὰ. все Мое Твое, и Твое Мое.

Очевидно, предельная взаимооткрытость и бесконечная преданность друг другу — *все Мое Твое, и Твое Мое*, — в которых описывается отношение совершенной любви между Отцом и Сыном не укладываются в рамки этико-юридической мудрости фарисеев: для фарисеев “мое твое, и твое мое” — глупость простолюдина; для Сына Божиего — выражение высшей премудрости и любви.

Наконец, третий пример касается замены всего одного слова. В раввинистической литературе обычным обозначением толпы

является слово רבים rabbîm, которое переводится, как ‘многие’, но имеет также значение ‘большие, великие’. Вероятно, совмещающая оба эти значения (*многие* в качестве указания на определенную группу людей и *великие* в качестве указания на особую праведность и ученость), кумраниты использовали слово רבים как одно из самоназваний своей общины. В связи с этим очень выразительным представляется то, что в Евангелии, когда Господь говорит об окружающей Его толпе, употребляется не греческое πολλοί соответствующее еврейскому רבים ‘многие, большие’, а прямо противоположное ему по смыслу слово (то есть антоним) μικροί (τούτοι) ‘малые (сии)’, за которым может стоять ивритское מלמח רבנים. Насколько мне известно, такое словопотребление не встречается в постбиблейской раввинистической литературе, а значит, составляет исключительную особенность языка Иисуса.

Мф 18:6

Ὅς δ' ἂν σκανδαλίσῃ ἑνατῶν μικρῶν τούτων τῶν πιστευόντων εἰς ἐμέ, συμφέρει αὐτῷ ἵνα κρεμασθῇ μύλος ὀνικὸς περὶ τὸν τράχηλον αὐτοῦ καὶ καταποντισθῇ ἐν τῷ πελάγῃ τῆς θαλάσσης

А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому было бы лучше, если бы мельничный жернов повесили ему на шею, и утопили его в пучине морской¹.

При общности темы (всякий соблазняющий на грех других достоин гибели) невозможно не расслышать: в одном случае — отвлеченное утверждение о многих, обращенное ко многим, а в другом — личная забота о каждом *из малых сих, верующих в Меня*, то есть доверившихся Господу.

Если перед нами *малые сии*, то это значит, что каждый из них, подобно ребенку, требует особой опеки и заботы. Ради одного из многих не оставишь девяносто девять. Но лишь один из малых сих, *Ангел которого на небесах всегда видит лицо Отца*

Тос., Сангедрин 13, 2

כל מי שקטא והקטיא את הרבים... ניהום גנעלם בפניהם וגוונין בה לדורי דורות

Всякий, кто согрешил и ввел в грех **многих**... — затворится за ними Геенна, и будут судимы в ней во веки веков.

Пиркей Авот 5:18

כל המקטיא את הרבים אין מספיקין בידו לעשות תשובה

Всякий, кто ввел в грех **многих**, не удостоивается совершить покаяние.

¹Синодальный перевод: А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской.

Небесного (ср. Мф 18:10), может быть уподоблен заблудшей овце, ради которой пастух оставляет все стадо и когда найдет ее, *радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся* (Мф 18:13).

В завершение нашего затянувшегося отступления можно указать, что среди раввинистических притч мы найдем и такую, где пастуху ближе не одна заблудшая овца, а напротив, один прибивший козленочек.

Ялкут Шимони

Козленок рос в пустыне и пришел сам по себе и пристал к стаду. Стал пастух кормить и поить его и полюбил его больше своего стада. Говорят ему: неужели ты любишь этого козленка больше, чем все стадо? Говорит им: сколько я трудился над своим стадом, выводил его утром и заводил вечером, пока они не выросли, а этот, который рос в пустынях и лесах и пришел сам по себе в мое стадо — разве не так мне любить его?

Конечно, мы слишком упрощаем эту притчу. Ясно, что здесь речь идет о пришельце-прозелите. И все же никак невозможно обойти сравнение, уж слишком очевиден контраст: притча о заблудшей овце — образ любви ищущей и спасающей; а в притче о козленке, который без всякого труда сам прибил к стаду, любовь не поднимается выше обычных утилитарных отношений.